

ФЕДЯКИН Алексей Владимирович
доктор политических наук,
профессор, заведующий
кафедрой «История»,
Российский университет
транспорта, Москва, Россия
Politologia-MIIT@yandex.ru

FEDYAKIN Aleksey Vladimirovich
doctor of political sciences, profes-
sor, head of department «History»,
Russian university of transport,
Moscow, Russia
Politologia-MIIT@yandex.ru

**Предметное поле российской политической
регионалистики: между попытками демаркации и
признанием трансграничности / The subject field of
Russian regional political studies: between attempts to
demarcation and recognition of cross-border**

Аннотация

В статье обозначается проблема незавершенности процесса определения предметного поля такого комплексного направления научных исследований в рамках политологии, как политическая регионалистика. Особо отмечается специфика отечественной политической регионалистики, ее становления в 1990-е гг. и текущего этапа развития. Автором предлагается развивать междисциплинарность региональных политических исследований и поддерживать имеющуюся тенденцию к их предметной трансграничности.

Ключевые слова

Политическая регионалистика; отечественная политология; предметное поле; междисциплинарность.

Abstract

The article identifies the problem of the incompleteness of the process of determining the subject field of such a complex direction of scientific research in the framework of political science as regional political studies. The specifics of the domestic regional political researches, its formation in the 1990s and the current stage of development are particularly noted. The author proposes to develop the interdisciplinarity of regional political studies and maintain the existing trend towards their subject cross-border nature.

Keywords

Regional political studies; domestic political science; subject field; interdisciplinarity.

Общеизвестно, что выделение в отечественной политической науке региональных политических исследований как ее самостоятельного направления стало наблюдаться в начале 1990-х гг. – собственно, примерно тогда же, когда и сама по себе политология приступила к активному предметному, методологическому и понятийному обособлению от других наук (прежде всего от истории, соци-

ологии, философии, правоведения и т.д.). С известной долей иронии можно сказать, что наступившая в стране на рубеже двух последних десятилетий минувшего века эпоха «парада суверенитетов» затронула и сферу социально-гуманитарного знания, в которой стали разворачиваться процессы «деления», «отпочкования» и т.д. Правда, уже без иронии, имеет смысл достаточно оснований говорить о том, что причины и сущность этого «парада суверенитетов» как явления российской политики тех лет не могли быть познаны в полной мере без соответствующего аналитического инструментария, который в конечном итоге и был в той или иной степени предложен ставшей обретать черты «суверенитета» политологией.

Парадоксально, однако, что за более чем три десятилетия с начала институционализации российской политической науки и активизации внутри нее процесса предметной дифференциации вопрос об окончательном конституировании региональных политических исследований как самостоятельного направления в рамках политологии так и не закрыт. То тут то там раздаются голоса – прежде всего самих представителей академического политологического сообщества – о сохраняющейся недостаточной степени зрелости политической регионалистики¹. И хотя «Практически все исследователи отмечают, что изучение региональной политической реальности невозможно без комплексного междисциплинарного подхода»², однако при этом нередко констатируется, что «российская научная школа во многом подражательна по отношению к исходной западной»³. Да и самими региональными исследованиями, прежде всего в их прикладной части, продолжают заниматься представители самых разных профессий⁴. А частые пересмотры номенклатуры

¹ См., например: Гельман В.Я., Рыженков С.И. Политическая регионалистика России: история и современное развитие // Политическая наука. М., 1999. С. 173–255; Дахин А.В. Политическая регионалистика в России: на пути к устойчивой научной полноте // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: Научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 274–311; и др.

² Труханов В.А. Институционализация политической регионалистики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1. С. 214.

³ Баранов А.В. Становление политической регионалистики в постсоветской России // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4. С. 95.

⁴ Впрочем, это свойственно и другим направлениям политической науки. В современной России, в том числе не без помощи ставшего популярным жанра политических телешоу и в целом из-за специфической деятельности масс-медиа, направленной прежде всего на максимизацию доходов от рекламы в «прайм-тайм», «политологом» фактически может называть себя любой – от инженера-строителя до акушера-гинеколога (но, к счастью, последние, в отличие от «передовых» стран Западной Европы, у нас еще не достигли вершин власти). В целом же можно согласиться с Р.Ф. Туровским, который отмечает, что «необязательно все работы, в которых говорится о регионах, должны считаться регионалистикой», а также что «пример отдельно взятого региона еще не является политической регионалистикой» (цит. по: Туровский Р.Ф. О состоянии и перспективах политической регионалистики // Политическая наука. 2011. № 4. С. 10, 19).

научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, равно как и издание все новых федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по направлению подготовки «Политология» и соответствующих учебных планов вузов, где политическая регионалистика то появляется, то исчезает, то выходит вперед, то отодвигается на задворки – дополнительное подтверждение неопределенности и подвижности ее дисциплинарного статуса¹.

Соответственно, не стоит удивляться ни сохраняющемуся на четвертом десятке лет развития современной российской политологии в целом и политической регионалистики в частности чрезвычайному разбросу мнений о предметном поле, ни сосуществованию в отечественном политологическом дискурсивном пространстве противоположных и даже противоречивых концепций, принципиально полярных подходов, расходящихся идейно-ценностных установок и пр., причем подчас при полном игнорировании друг друга. Последнее, кстати сказать, находит свое выражение в том числе на уровне профессиональных коммуникаций: разного рода политологических ассоциаций, академий, союзов и т.д. создано к настоящему времени великое множество – и внутри Садового кольца, и далеко за его пределами; все они позиционируют себя в качестве «центров», «главных объединителей» и т.п. всех политологов страны, но в действительности таковыми не являются. Схожая картина и на уровне индивидуальных исследований: автор, являясь на протяжении нескольких лет членом Экспертного совета ВАК по политологии, неоднократно наблюдал в диссертациях тенденцию к упоминанию в степени научной разработанности и к включению в списки источников и литературы лишь представителей «своего» круга – научных руководителей, коллег по вузу, географически и организационно близких структур и т.д., причем нередко такие публикации были далеки от темы защищаемой работы. Авторы же, непосредственно и на протяжении многих лет занимающиеся профильными политологическими исследованиями, но не являющиеся «своими», для целого ряда диссертантов как будто не существуют вовсе...

С учетом очевидной незавершенности структурирования пространства отечественной политологии, а также наблюдаемых внутри него разнонаправленных процессов и весьма противоречивых тенденций, заметно усилившихся под влиянием последних событий внутри страны и на международной арене, востребованным становится

---

¹ Кстати сказать, аналогичная ситуация наблюдается и в целом ряде других областей знания: «в отечественной науке и отечественном высшем образовании регионалистика в отдельности практически не встречается», а выступает лишь «терминологическим дополнением» для отдельных дисциплин (например, «Экономическая география и регионалистика») (цит. по: Сидоров В.П., Брусенцова А.А. Региональные науки и экономическая география // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2010. Вып. 1. С. 52).

поиск хоть какой-то системы координат, самых общих фундаментальных оснований, которые принимались бы большинством представителей профессионального академического сообщества¹. В противном случае теоретико-методологические и идейно-концептуальные «разброд и шатание» в российском политологическом дискурсе будут продолжаться сколь угодно долго, новые «политологические сущности» – преимущественно конъюнктурно-ситуативного, откровенно спекулятивного и даже конспирологического характера – будут «плодиться и размножаться» до бесконечности, но их количество никогда не перерастет в качество. И – что самое страшное – необратимым станет закрепление за политологией в узком профессиональном и широком обыденном сознании статуса синонима пустословия и вообще ругательства (такие тенденции, увы, уже просматриваются).

В этом плане и для политической науки в целом, и для политической регионалистики как ее отдельного направления в частности необходим мега-синтетический подход, позволяющий «оторваться» от «насиженных мест» в политологическом пространстве, подняться над хаотично разбросанным по нему «делянками» и посмотреть за ставший для многих привычным в течение этих десятилетий горизонт².

Анализ заявленных к настоящему времени отечественными учеными и специалистами-практиками мнений относительно политической регионалистики позволяет говорить о том, что наиболее общим местом среди великого многообразия взглядов и суждений является признание ее в качестве «одного из направлений как политологии, так и регионалистики»³ (или регионоведения⁴). Что касается политологии, то тенденция к расширению ее предметного поля очевидна: в современных условиях главный объект политической науки – политика – проникает во все сферы общественной жизни (глупо отрицать политизацию, например, науки, культуры, медицины, спорта, транспорта и т.д.⁵). Одновременно в подавляющем большинстве

---

¹ При этом стоит согласиться с А.В. Барановым, подчеркивающим «недопустимость бюрократической единообразной схемы в преподавании, неправомочность претензий кого бы то ни было из российских исследователей на “классичность” своего опыта... Необходим творческий синтез достижений различных школ исследований в условиях российской социокультурной парадигмы» (цит. по: Баранов А.В. Становление политической регионалистики в постсоветской России // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4. С. 99).

² Тем более, что «Дробление гуманитарных наук часто ведет к потере общих гуманитарных ориентиров» (цит. по: Павловский И.В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 102).

³ Медведев Н.П. Политическая регионалистика: Учебное пособие. М.: Альфа-М, 2005. С. 7; Штанько М.А. Политическая регионалистика: учебное пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2006. С. 16.

⁴ Труханов В.А. Институционализация политической регионалистики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1. С. 215.

⁵ Отсюда, собственно, и появление в конечном итоге множества отраслевых политик –

этих сфер существует пространственно-территориальное измерение, первичной (базовой) единицей которого чаще всего и выступает регион. Что же касается регионалистики, то представители классической географии – а именно она считается точкой отсчета региональных исследований¹ – полагают, что «регионалистика касается все ветвей науки – и естественных, и гуманитарных. Она охватывает части и тех и других, синтезирует их результаты и обеспечивает, таким образом, новое знание»².

Иными словами, получается, что политической сфере, помимо прочего, присуща региональность (находящая выражение в том числе в территориальной проекции конкретных явлений, пространственной локализации соответствующих процессов и т.д.), которая характерна также и для большинства иных важнейших сфер общественной жизни³. Соответственно, с одной стороны, политическая регионалистика неминуемо пересекается с другими более или менее сформировавшимися или обозначившимися к настоящему времени в науке профильными направлениями региональных исследований – отраслевыми регионалистами (таблица 1), а потому не может не учитывать их частные теории, отдельные методологические подходы, конкретные выводы и т.д.

Но с другой стороны, как видно из приведенной ниже таблицы, все направления профильных региональных исследований так или иначе содержат политическую составляющую (подчеркнем: здесь важны не столько ее количественные показатели, сколько сам факт ее наличия), прямо или косвенно испытывают на себе влияние мира политического инновационной, промышленной, языковой, конфессиональной, молодежной, семейной, транспортной и т.д.

¹ Например, согласно одной из точек зрения, «Регионалистика по своему характеру тяготеет к географии и может рассматриваться как ее вспомогательная дисциплина» (цит. по: Кефели И.Ф. Политическая регионалистика: учеб пособие. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2005. С. 5). Также есть мнение, что «Неотъемлемой частью любых “регионоведческих конгломератов” всегда остается география», которая «служит аналитическим инструментарием для пространственной дифференциации регионов, определения их рубежей, конструирования искусственных регионов и т.п.» (цит. по: Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Регионоведение как комплекс исследовательских и учебных дисциплин в ракурсе междисциплинарности // Сравнительная политика – Comparative politics. 2014. № 3. С. 160). И в целом отмечается, что «Все наиболее славное в познании сути территориального возникло в лоне наиболее системоориентированной науки – географии» (цит. по: Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. № 3. С. 22).

² Чистобаев А.И. География и регионалистика // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 6.

³ А применительно к политической сфере такой страны, как Россия, «отменить» значение территориального фактора для самого крупного по территории государства в мире невозможно, поскольку политическая регионалистика в значительной мере служит ответом на “вызовы” географического разнообразия региональных условий» (цит. по: Белявцева Д.А. Институционализация региональных политических исследований на постсоветском пространстве // Философско-гуманитарные науки: сб. науч. статей. Минск: РИВШ, 2017. Вып. 16. С. 21).

во всем его многообразии, что в конечном итоге не может не сказываться на их внутренней структуре, сущностных характеристиках, содержательных акцентах и т.д.

Таблица 1. Направления профильных региональных исследований (отраслевые регионалистики), представленные в отечественной науке¹.

Направление региональных исследований	Характеристика направления/предметная область исследования
Экономическая (институциональная) регионалистика	«...субнаправление институциональной экономики, исследующее проблемы регионального и местного развития с помощью категориального аппарата и методов институционального анализа» ² .
Социокультурная регионалистика	«Региональное самосознание... Этническая... гомогенность или гетерогенность регионального (местного) сообщества. ...поселенческая структура. ...способы ведения хозяйства... Местная языковая (лингво-диалектная) система (включая топонимы)... Конфессиональная структура... Региональные особенности... продуктов умственной деятельности людей... Региональные особенности материальной культуры... стереотипы усвоенного человеческого поведения» ³ .
Историческая регионалистика	Один из «возможных путей осмысления прошлого», предполагающий «рассмотрение истории России с точки зрения наличия в ней регионов – территорий, которые, составляя неразрывную часть страны, вместе с тем обладают политическими, хозяйственными, национальными, культурными и религиозными особенностями» ⁴ .
Историко-педагогическая регионалистика	«...раздел истории педагогики, занимающийся исследованием вопросов развития локальных систем образования» ⁵ .

¹ Сразу оговоримся, что данный перечень отраслевых регионалистик отнюдь не претендует на полноту и исчерпанность.

² Литвинцева Г.П. Институциональная экономическая регионалистика: основные направления исследований // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации: материалы IV Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. Омск: ОГУ, 2015. С. 346.

³ Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 11.

⁴ Сафонов Д.А. Проблемы и сложности исторической регионалистики // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 2. С. 144.

⁵ Помелов В.Б. Методы современной историко-педагогической регионалистики // Вестник гуманитарного образования. 2015. № 2. С. 22.

Филологическая (лингвистическая) регионалистика	«Описание языкового пространства региона как части духовной культуры его жителей» ¹ .
Литературно-художественная (литературоведческая) регионалистика	«...изучение литературы, литературной жизни края в его исторических и современных географических границах» ² .
Криминологическая регионалистика	«...региональное измерение преступности, ее предупреждение, закономерности детерминации преступного поведения и его профилактики» ³ .

В этой связи представляется допустимым выдвинуть тезис о том, что в современных условиях именно политическая регионалистика способна стать в максимальной степени междисциплинарной, полиструктурной и комплексной областью теоретического и практического знания, имеющей наиболее динамичный объект исследования, наиболее гибкий теоретико-методологический инструментарий и наиболее подвижный категориально-понятийный аппарат. Учитывая всепроникающий характер политики в другие сферы общественной жизни, именно политическая регионалистика способна превратиться в своего рода «регионалистику регионалистик», наиболее открытую для восприятия методов, концептов, выводов и т.д. смежных, соседствующих в предметном поле дисциплин и одновременно готовую делиться с ними своими своими наработками, представлять результаты осуществляемых внутри нее процессов сопряжения различных по своему происхождению фундаментальных подходов и переосмысления практических моделей, их адаптации к конкретным запросам и т.д. А специфика объекта исследования – политического региона, заключающаяся в подвижности оснований для его выделения в пространстве как реальном, физическом (начиная от «всего, что меньше государства, но больше индивидуума и семьи»⁴ и заканчивая «региональными мирами»⁵), так и символическом (включая, например, выявление региональных и локальных идентичностей), но оттого не перестающим оказывать влияние на реальную политику – думается, усиливает эвристические возможности политической регионалистики, вытекающие из трансграничности ее предметного поля и связанных с

¹ Бахвалова Т.В. Лингвистическая регионалистика: из опыт преподавания // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 2. С. 116.

² Полякова Л.В. Филологическая регионалистика в системе гуманитарных наук. Научный доклад // Филологическая регионалистика. 2012. № 2. С. 10.

³ Федотов В.П. Криминологическая регионалистика как перспективное направление современной криминологии // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2. С. 39.

⁴ Рucinская И.И. Регионоведение и краеведение: масштабы различий и форма взаимодействий // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3. С. 10.

⁵ Подробно см.: Колдунова Е.В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина // Вестник МГИМО. 2016. № 5. С. 63–69.

этим многоаспектностью, многоуровневостью, многоплановостью получаемого знания.

Выдвигая данный тезис, мы отнюдь не полагаем себя «первооткрывателями» и т.д. Как уже было отмечено отечественными исследователями, «Краткий исторический экскурс показывает, что на роль ведущей дисциплины междисциплинарного синтеза в российском регионоведении претендовали различные предметные области научного знания. К числу таковых относились география, востоковедение, экономические науки и науки политические»¹. Отдаем мы себе отчет и в том, что междисциплинарный характер политической регионалистики, полипарадигмальность ее теоретических оснований, трансграничность предметного поля и т.д. сами по себе отнюдь не являются гарантией снятия «эпистемологических проблем: интерпретации фактологического материала, теоретического описания, а также перевода с языка одной дисциплины на другой»². Более того, «сползание» политической регионалистики к простой, так сказать, механической сумме всех как уже имеющихся, так и могущих в обозримой перспективе выкристаллизоваться регионалистик – заведомо тупиковый путь ее развития, очередной повод говорить о ее «рыхлости», «аморфности», а с ней – и политологии в целом, опять-таки. Речь идет о том, чтобы, максимально эффективно используя комплексный характер региональных политических исследований, подвижность границ их предмета, вариативность задействуемого в ходе их осуществления теоретико-методологического инструментария, многопрофильность получаемых на выходе результатов и т.д., не только сохранить, но и всячески консолидировать субстрат политической регионалистики, усилить ее собственное «Я», неповторимое и уникальное.

Предвидя некоторый скепсис коллег, подчеркнем, что возможное, при прочих равных условиях, движение политической регионалистики по обозначенному нами вектору – продолжительный по времени и весьма трудоемкий процесс. Высокая степень зависимости от классических наук, отдельных направлений, сложившихся школ, устоявшихся подходов и т.п., внутри которых так или иначе происходило вызревание политологии в целом и политической регионалистики в частности (та же география, к примеру), конечно, не преодолевается сиюминутно и без проблем. Да и нет такой науки, чей путь к самостоятельности и состоятельности был бы быстрым и легким. Однако, главное на этом пути – не только обеспечить полноценное и всестороннее саморазвитие политической регионалистики, включая совершенствование ее языка, конкретизацию предмета, оттачивание методологии и т.д., но и не растерять достижений прошлого, в том

---

¹ Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Регионоведение как комплекс исследовательских и учебных дисциплин в ракурсе междисциплинарности // Сравнительная политика – Comparative politics. 2014. № 3. С. 160.

² Там же. С. 162.

числе связанного с наследием тех научных направлений, которые стали для нее «материнскими». Контрпродуктивно конституировать политическую регионалистику посредством отрицания в ней социально-географического, экономического, юридического, культурологического и т.п. начал. Не менее контрпродуктивными являются и попытки избежать междисциплинарности, игнорировать уже сложившиеся и вновь возникающие внутри- и межпредметные связи, препятствовать возникновению новых субнаправлений и подобластей исследования¹.

Серьезное внимание нужно уделить и неоднократно упоминавшейся нами ранее проблеме всесторонней и вдумчивой ревизии привнесенного в отечественную политологию зарубежного научного и наукоподобного контента, включая разного рода теоретические и прикладные «продукты», а также претендующие на статус аксиом субъективные суждения отдельных раскрученных в масс-медиа персон. Долгое время их некритичное восприятие и слепое следование им приводило к тому, что российские социополитические реалии просто «подгонялись» под зарубежные, прежде всего западноевропейские и североамериканские лекала, а изучавшим эти реалии научным направлениям и дисциплинам в рамках отечественной политологии всячески пытались подыскать иностранные аналоги. Отсутствие последних нередко приводило отдельных исследователей и целые коллективы к выводам о бесперспективности того или иного направления теоретических и прикладных разработок, которое тут же объявлялось «периферийным», «архаичным» и т.д. Выходившие же за рамки новомодной западной системы политических координат отечественные многовековые традиции маркировались как

¹ Например, на просторах сети Интернет можно обнаружить разработанную специалистами Воронежского государственного университета учебную программу «Социально-экономико-географическое изучение транспортного предприятия». В ней, в частности, отмечается, что «решение задач социально-экономического развития общества и рационального размещения транспортных объектов и достижения на этой основе экономически эффективного взаимодействия между государством, предприятиями, отраслями, собственниками и населением по перевозке грузов и пассажиров, обеспечению транспортной безопасности страны обуславливают необходимость комплексных исследований первичных ячеек транспортной отрасли – отдельных предприятий. Непосредственно в этом звене хозяйства страны решаются государственные и региональные проблемы максимального сокращения транспортных издержек в стоимости внутреннего валового продукта» (цит. по: Социально-экономико-географическое изучение транспортного предприятия. Часть III. Учебная программа / Составители: В.А. Белова, Р.Е. Рогозина. Воронеж, 2007. С. 3–4). Иными словами, если есть транспортная география, то почему бы не быть транспортной регионалистике? Тем более, что осмысление внутри- и внешнеполитического значения транспорта уже давно вошло в круг задач политической науки (подробно см.: Горбунов А.А. Транспортная политика государства: институты, ресурсы, технологии // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2018. № 1. С. 17–21). Аналогично – география городов и политическая урбанистика (подробно см.: Федякин И.В. Развитие российских городов и мегаполисов как приоритетное направление современной государственной политики // Вестник Российской нации. 2018. № 5. С. 22–55).

«отклоняющиеся», «дефектные» и пр.

Опять же подчеркнем, что неорганический по своему происхождению для отечественного социально-политического контекста характер теорий, парадигм, концептов и т.д. отнюдь не должен становиться единственным верным критерием их выбраковки, служить безапелляционным приговором для них. Агломерационные теории, теории региональной конкурентоспособности, концепция «полюсов» («коридоров») роста, методология межрегиональных сравнений, модели размещения населенных пунктов, концепция территориальной динамики государств, теория диффузии инноваций, теория центральных мест, концепции пространственного развития полюсов экономики, «центр-периферийный» подход – эти и многие другие полученные зарубежной наукой теоретические разработки, опробованные на практике немалым числом государств и показавшие в них свою результативность в ходе формирования и реализации их правительствами региональной политики, должны внимательно изучаться и оцениваться с точки зрения перспектив их использования во благо нашей страны. Отсечь нужно лишь то, что априори не подходит нам по форме и содержанию, идет вразрез с российскими устоями и реалиями, является данью иностранной моде и пр., при этом, конечно, не впадая в крайности примитивного изоляционизма и т.п.¹

Кстати, о текущем социально-политическом контексте. Общеизвестно, что отечественная политология складывалась в определенных реалиях конца 1980-х – начала 1990-х гг., что не могло не наложить соответствующий отпечаток на ход и характер ее эволюции. Пытаясь найти адекватные ответы на запросы конкретного исторического периода, она не могла не учитывать соответствующие обстоятельства места и времени. Аналогичная ситуация имела место внутриотдельных политологических направлений и дисциплин, включая политическую регионалистику. Сосредоточение на внутрироссийской политической проблематике, с акцентом в том числе на анализе текущей модели федерализма, на выявлении типов отношений между Центром и регионами, на изучении региональных элит и лидеров, на раскрытии особенностей отечественной электоральной географии и т.д. – все это, конечно, было важно в 1990-е гг. и, с определенными оговорками, сохраняет известную степень актуальности в наши дни. Однако, пространственно-временная контекстуальность политической регионалистики не должна приводить ее к зацикливанию на узком круге вопросов внутринационального порядка, а тем самым – к застою

---

¹ В целом же следует согласиться с Н.П. Медведевым, который отмечает, что «многообразие проявлений внутрироссийских политических отношений на уровне регионов не всегда вписывается в интеграционные западные модели поведения акторов региональных политических процессов, что затрудняет применение в чистом виде подходов западных политологических школ при научном анализе российской политической действительности» (цит. по: Медведев Н.П. Политическая регионалистика: Учебное пособие. М.: Альфа-М, 2005. С. 6).

в развитии¹. Политическая регионалистика – не только изучение региональной проблематики в историческом разрезе, но и анализ современности, и взгляд в будущее. Кроме того, исследование актуальных российских политических реалий во всех их измерениях, включая региональное, – хотя и непреложная, но не единственная задача политической науки вообще и политической регионалистики в частности. Соответствующий зарубежный опыт также должен быть в фокусе внимания, хотя бы для того, чтобы в ходе различного рода сравнений и т.п. аналитических процедур обнаружить лучшие мировые практики и всесторонне оценить возможности и пределы их адаптации на российской почве.

Наконец, еще один принципиальный момент. Часто говорится о преимущественно описательном характере политической регионалистики, о ее крайне скудном аналитико-прогностическом потенциале и т.д. Действительно, в региональной политической жизни, как и в сфере политики в целом, при всей ее насыщенности разного рода событиями и пр., в силу известной специфики этой сферы (преобладание конкуренции над кооперацией, конфронтационной модели поведения субъектов над консенсусной, силовых инструментов разрешения противоречий над мирными, скрытых фаз и механизмов над открытыми, иррационально-субъективного над рациональным, де-факто над де-юре и т.д.), довольно трудно обнаружить доказуемую устойчивую повторяемость тех или иных явлений, процессов и т.п. Последние чаще всего носят относительный, условный, вероятностный, случайный характер; они, скорее, единичны и особенны, чем общи и повсеместны.

В этой связи представляется более корректным вести речь не о закономерностях (т.е. логически обоснованной последовательности каких-либо явлений, регулярном протекании тех или иных процессов и т.д.), не о «дважды два» в политике, а о тенденциях (т.е. аналитически улавливаемых направлениях в развитии какого-либо феномена и пр.) в региональной политической жизни, ход и характер проявления которых обусловлен множеством факторов. Готовя и проводя региональные политические исследования, необходимо помнить, что политический регион, представляя собой пространство сосредоточения самых разнообразных по своим количеству и качеству субъектов, а равно поле пересечения имеющих у них интересов, ресурсов и т.д., не может быть описан и объяснен лишь в категориях жесткого

---

¹ Как было отмечено исследователями, «Внутреннее изучение» региона содержит опасность восприятия своего края как места заведомо уникального и неповторимого, которое нельзя поставить в один ряд с другими», в итоге региональное исследование становится «способом проявления любви к краю и одновременно способом доказать, что этот край достоин любви», что, конечно, не ведет к приращению научного знания (цит. по: Рудинская И.И. Регионоведение и краеведение: масштабы различий и форма взаимодействий // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3. С. 11).

детерминизма, однозначной предопределенности и абсолютной безальтернативности. И хотя некоторые «повторяемости» могут давать о себе знать (например, касающиеся видов и форм взаимодействия центра и регионов, степени их интенсивности, субъектного состава и т.д.), тем не менее, они носят преимущественно относительный характер, проявляются на практике не так часто, а лежащие в их основе причинно-следственные связи в большинстве своем отличаются нелинейностью, опосредованностью, асимметричностью. Тем более, если речь идет о политике сегодняшнего дня – чрезвычайно изменчивой и труднопредсказуемой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбунов А.А. Транспортная политика государства: институты, ресурсы, технологии // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2018. № 1. С. 17–21.
2. Федякин И.В. Развитие российских городов и мегаполисов как приоритетное направление современной государственной политики // Вестник Российской нации. 2018. № 5. С. 22–55.

REFERENCES

1. Gorbunov A.A. Transport policy of the state: institutions, resources, technologies [*Transportnaja politika gosudarstva: instituty, resursy, tekhnologii*] // SEARCH: Politics. Civics. Art. Sociology. Culture: scientific and socio-cultural journal. 2018. No. 1. P. 17–21.
2. Fedyakin I.V. The development of Russian towns and megacities as a priority direction of modern state policy [*Razvitije rossijskikh gorodov i megapolisov kak prioritetnoje napravlenije sovremennoj gosudarstvennoj politiki*] // Bulletin of Russian nation. 2018. No. 5. P. 22–55.